

АЙРИН ЛАКС

Бонус СРОК ТВОЕЙ НЕЛЮБВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айрин Лакс

Срок твоей нелюбви (бонусный рассказ)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39151483

SelfPub; 2018

Аннотация

Бонусный рассказ от лица Алексея к роману "Срок твоей нелюбви". Как ты можешь хотеть любви в мире, где покупается и продаётся абсолютно всё, где за хрустящую купюру предадут самых родных и близких? И ты хочешь любви, жаждешь её ласкового касания, принимая жаркие похотливые взгляды и минутные судороги расслабляющегося тела за её проявления? Тогда у меня для тебя плохая новость, девочка. Ты такая же, как все, а может быть, хуже всех прочих, потому что продаёшься за ничтожные жалкие иллюзии, тешишь себя призрачной надеждой, способной всего за мгновение растаять в воздухе, как сизоватая струйка дыма.

Содержит нецензурную брань.

Айрин Лакс

Срок твоей нелюбви (бонусный рассказ)

Я сжимал в руках свою рубашку с алевшим следом от губной помады, понимая, что впервые за долгое время меня кинули. Попользовались и отбросили в сторону, пнув изящным носиком туфли.

– Сука! – потрясённо вырвалось у меня вслух, – какая же ты сука!..

Злость, азарт и восхищение в одном флаконе. Нет, так просто я это спускать ей с рук не собирался. Возможно, не поступи она так, я удовлетворился бы утренним сексом с ней и разошелся в разные стороны, едва ли вспоминая об очередной белобрысой красотке, с которой неплохо позабавился. Но этот её жест, полный пренебрежения и осознания собственного превосходства, обострил все мои чувства. Он был подобен искре, упавшей на сухой соломенный настил, от которой разгорелось жаркое, яркое пламя, пожирающее меня изнутри. Нееет, я не просто хотел взять своё, поставив точку самому так, как всегда привык это делать.

Мне захотелось взять реванша. Не просто найти и трахнуть эту шикарную сучку ещё раз или два, как придётся. Она словно задела во мне какой-то доселе дремавший охотни-

чий инстинкт, возведя его в ранг абсолютной потребности. А уязвлённое самолюбие подстёгивало меня ещё больше. Но поневоле перед глазами встали картины вчерашних забав с ней, её шикарное тело с тонкой талией и круглой упругой попкой, и член послушно отозвался на фантазию, напрягшись до предела.

Мне даже не понадобилось долго и упорно что-либо выдумывать, чтобы подогреть самого себя: в памяти всё было свежо, а тепло постели хранило ещё её запах, так что потребовалось всего пару минут, чтобы залить собственной спермой пальцы, сжимавшие покрасневшую головку члена. Сука, ещё раз мысленно повторил я, представляя, как в следующий раз не мне придётся ублажать самого себя, а за меня это сделают её проворные, тонкие пальчики или соблазнительный ротик с пухлыми губками, до которого я ещё не успел добраться. Но обязательно это сделаю.

Настроение значительно улучшилось. Я всё же натянул на себя эту рубашку с красной отметиной на воротнике и ухмыльнулся своему отражению. Маленькая интрижка приняла совершенно новый оборот, превратившись в игру, в которой меня на нынешнем этапе удалось обставить красивой блондинке. Но я не проигрывал. Возможно, когда-то я упустил свой шанс и был на запасных ролях, но с тех пор так многое изменилось, а вкус победы стал привычной приправой к серым будням, без которой я уже не мыслил своё существование. Что ж, девочка, поиграем?

Выяснить её имя не составило большого труда – я поставил на то, что она назвалась своим именем и не прогадал. В той компании, что она работала, была всего одна сотрудница по имени Таисия. И я без труда узнал не только её должность, но и номер сотового телефона. Наааадо же, коммерческий директор. В её-то возрасте... Либо числится в любовницах у кого-то из владельцев, либо приходится родственницей. Подобные ей редко добивались такой должности своим умом, скорее раздвигали ножки и послушно разевали свои рты, охотно проглатывая всё, что спускали в них. Офисные бляди, оттраханные не единожды во всех доступных позах, чаще всего прямо там же, на месте постоянной работы. Отчего-то мысль о том, что эта девочка могла пробиться подобным путём, взбесила. Да, неприятно царапнула изнутри, вызвав непонятную злобу, на мгновение перехватившую горло. Что ж, если и так, то ещё проще будет поиметь красотку, указав на её место.

В бизнесе нет места женщинам. За редким исключением. Я не говорю сейчас о бизнесе чисто бабском, таком как организация всех этих салонов красоты для сучек и их крошечных питомцев... Для того, чтобы справиться с управлением подобного заведения, хватит мозгов даже у диванного клопа. Нет, я об ином – о настоящем бизнесе и больших объемах денежных потоков, о непростых решениях, что иногда приходится принимать. О жёстком управлении и травле конкурентов, о способах выживания их с кормовой площадки. Ма-

ло кто из женщин был способен управиться с этим, за редким исключением. Таким, как Анна Анисенко, например.

О, это был первосортный экземпляр – циничная стерва, унаследовавшая от престарелого папаши не только львиную долю капитала, но и его характер. За привлекательной внешностью и голливудской улыбкой скрывался ряд акульих зубов и неуёмная жажда. Больше, острее, глубже... В первую же встречу с ней мы крупно повздорили, не сумев договориться о взаимовыгодном сотрудничестве наших фирм. Она бросила в лицо мне что-то резкое, на что я, ухмыляясь, предложил ей отсосать, желая выбесить её ещё больше и послать этим самым куда подальше. Но на моё удивление она змеёй скользнула ко мне, проворно расстёгивая ширинку, и принялась убажывать меня, не заботясь о том, что кабинет не был закрыт с внутренней стороны и в любой момент мог зайти кто-либо из посторонних. Нет, она усиленно работала язычком и губами, посматривая на меня снизу вверх, энергично вбирала до самой гортани и результат не заставил себя долго ждать.

Но самое любопытное, что едва она поднялась с колен и утёрла ниточку слюны на своих губах, то улыбнулась, как ни в чём не бывало, и продолжила напористо стоять на своём, восстанавливая обсуждение проблемы ровно с того места, на котором мы закончили. И в этом ротике только что побывал мой член, спрашивал я себя, разглядывая с некоторым удивлением её хищную улыбку и холёное, красивое лицо? Как

только не откусила по самый корень... А ещё в жадно горевших глазах я видел отражение самого себя, ту же несгибаемую волю к победе и желание во что бы то ни стало достичь необходимого... Словно встретил женскую версию самого себя, столь же ненасытную и в чём-то беспринципную.

Может быть, договориться в тот раз нам мало о чём удалось, кроме того, что её интерес ко мне был взаимен в определённой плоскости. И нет, наш бурный роман так и не мог заставить нас договориться на площадке пересекающихся интересов бизнеса. Она могла давать мне как угодно и где угодно, но ни за что бы не выпустила из своих рук жирный кусок своих финансов, как впрочем, и я. Ожесточённые стычки, рано или поздно заканчивающиеся жарким сексом, приносили разнообразие в наши будни, мы то сходились, то расходились и даже помышляли о браке, потому как понимали друг друга с полуслова, если бы не страх потерять в этом союзе часть своего нажитого.

Первое время с ней было интересно, а потом – банально приелось. В конце концов я начал ловить себя на мысли, что заниматься сексом с Аней было всё равно что мастурбировать, сидя перед увеличивающим всё в несколько раз зеркалом, трахая собственную ладонь, контролируя весь процесс и зная, какое движение последует за этим и насколько бурной будет разрядка. Надоело. И поскольку договориться нам так и не удалось, мы просто разбежались в разные стороны, кажется, даже особо не переживая по поводу разлуки. Я –

так уж точно, провёл охеренный вечер, плавно перетекающий в ночь с какой-то девицей, едва перешагнувшей порог восемнадцати лет и нёсшей эту информацию впереди себя, будто зная.

Хотите знать, кто самые раскрепощённые бляди? Нет, не пресытившиеся обычном сексом женщины, находящиеся в самом соку и желающие привнести перцу в привычные постельные забавы. Ошибаетесь. Самая доступная и текущая только от одного взгляда шалава – это как раз та, что едва рассталась со своей девственностью, гордящаяся этим так, будто совершила какое-то достижение мирового уровня. О да, такие дадут сразу и во все дырки, непременно скорчив невинную мордашку перед этим, но услужливо подставляясь под возбуждённый член. А какое неизменное старание показать себя опытной и многогранной любовницей! Долбись ей в зад до упора – и пусть ей будет неприятно, но не желая упасть в грязь лицом, она будет усердно прогибаться в спине и громко, фальшиво стонать, прижимаясь после всем телом, умоляя о продолжении, готовая на всё за какой-то сраный ужин в одном из ресторанов мелкого пошиба, к которому едва притронется, потому что считает некрасивым много есть.

А потом мне случайно попала на глаза Таисия, Тася, Тая. Одно имя чего стоит – его так приятно смаковать во рту, будто это не просто имя вырывается за пределы рта, а её бойкий язычок хозяйничает у меня во рту, заигрывая с кончиком языка и сексуально проникая глубже, касается нёба и

проворно ускользает от меня. Как и она сама.

Чёрт, наваждение какое-то. Не успокоился, пока не набрал её номер не услышал голос. Едва не взвыл от холодных, насмешливых интонаций, сквозивших в её голосе. Она словно указывала мне на моё место, больно щёлкнув по кончику носа и явно не желая продолжать знакомство. Слишком высоко ценишь себя, девочка? Зря, я так просто не отстану... Набрал полные лёгкие морозного воздуха, давая холоду распространиться вместе с кислородом по венам, заранее готовясь быть терпеливым с ней, каким-то чутьём, шестым чувством понимая, что это не спринтерский забег, а как минимум треть марафонской дистанции. И дело даже не в том, что она может отказать мне – нет, я был уверен, что она послушно пойдёт на зов плоти – такая горячая, отзывчивая и раскрепощённая в сексе. Но, кажется, одного раза мне будет мало, чтобы залатать рану уязвленного самолюбия.

А едва увидел, как она смотрит на меня и старается немного сторониться, явно пытаясь не идти на поводу у своего тела и зова страсти, меня пронзило пониманием – хочу не просто взять её тело, но заразить её собой, чтобы млела от звука моего голоса и зависела от меня. Да, именно так. Было бы чертовски приятно показать ей, что это я дёргаю за нужные ниточки, а не она двигается по своему усмотрению.

Хотелось сразу и много, прямо тут же, в салоне автомобиля, и ей, сгоравшей от нетерпения, тоже – но надо было оттянуть сладкий момент самую малость, оттого что понимал

– привычные методы не работают на ней. С каким-то холодным равнодушием взирала на подаренный ей iPhone последней модели, пытаюсь отшутиться, но нисколько не удивляясь. Нет, похоже я ошибся на её счёт – обычной девицей, падкой на дорогие подарки и состоятельный кошелёк здесь и не пахло.

Это чувствуется сразу – как бы не маскировали свой интерес подобрные особы, их всё равно выдавал азартный блеск глаз или чуть изменившееся выражение лица. Но Таисия – другое дело, приняла подарок как само собой разумеющееся. Значит, привыкла к подобному с малолетства. На выходе из ресторана столкнулись с её папашей. Надо же, сам Авдеев... Уже прохаживаясь возле автомобиля, понял, кем он ей приходится, смеясь над собой, поскольку поначалу подумал, будто имел честь повстречать одного из её бывших любовников. А всего минутой позже смеялся над собой – пересёкся с её отцом, почти анекдотичная ситуация. Первый выход в «свет» – и уже имел удовольствие лицезреть членов её семьи.

Кстати, в целом о женщинах. Почему-то многие представительницы женского пола придают подобным встречам едва ли не судьбоносное значение, а фраза "давай я познакомлю тебя со своими родителями" служит сигналом, что цыпочка настроена более чем серьёзно в отношении тебя. Дуры, будто от того, что я узнаю, кто их зачал, моё отношение к ним изменится в корне, и я буду воспринимать их как нечто иное, а не просто способ удовлетворения потребности в сексе.

Тася же – нет, другое дело. Казалось, сама встреча с отцом её не сильно обрадовала, и она спешила как можно скорее забыть об этом инциденте. Конечно, я сказал пару приличествующих в подобной ситуации фраз, но оказался сражён на корню её контраргументами. Ухмыльнулся про себя, отметив, что в дальнейшем можно будет использовать натянутые отношения с отцом как некий рычажок давления, нужно будет только умело применить его в нужный момент. Никогда не стоит отметать в сторону мелочь, кажущуюся незначительной. Именно она может стать козырным тузом, припрятанным в рукаве, той самой картой, что в корне изменит ход всей игры.

А с ней было интересно и вкусно. Красивая, холёная девочка, жаркая и отзывчивая. И далеко не дура. Это стало понятно сразу, как только начинал заводить разговор на отстранённые темы, которые она с лёгкостью подхватывала, понимая меня с полуслова. Опасно, чёрт возьми. Такой не запудрить мозги громогласными разглагольствованиями и демонстрацией своего статуса или положения, не замылить глаза дорогими подарками. Но всё же пытался. Простаивал по часу в самых дорогих ювелирных магазинах, а в голове крутился только один вопрос: "Сколько?" Какова её цена? Выбирал самое лучшее и дорогое, стараясь выглядеть при этом так, словно увидел мимоходом и купил, будто не потратил битый час на выбор этого изящного браслета из белого золота с чистейшими бриллиантами, стоившим внушительную сум-

му денег. Очень внушительную, даже для меня. Ухмыльнулся про себя, не слишком ли дорого покупаю те пару-тройку ночей, что собираюсь провести с ней? И тут же самому себе: нет, нисколько.

На кону стоит не только вопрос удовольствия, получаемого с ней в постели, но гораздо большее – убажение собственного уязвлённого достоинства, а это стоит гораздо большего, чем минутная судорога оргазма. Но эта сука даже не обратила должного внимания на дорогой эксклюзивный подарок, поспешно отложила его в сторону, словно речь шла о подаренной копеечной побрякушке. По её выражению лица я даже не мог понять, понравилось ли ей, и это здорово выводило из себя. Хочешь сказать, что ты не продаёшься? Или просто набиваешь себе цену? Чего на самом деле ты ждёшь от меня?

Ответ лежал на поверхности, мне было даже смешно от того, что я не сразу это понял. Наверное, просто отвык от мысли, что кого-то может интересовать нечто большее, чем то, что можно подержать в руках, повертев его из стороны в сторону, взвесить, определив его стоимость. Этой красивой девочке с холодными глазами, будто покрытыми тонкой корочкой льда хотелось любви. Любвиии. С её-то складом ума и резкой натурой хотелось банального воплощения в жизнь сказочки для тупеньких принцесс, сидящим в своём замке, сотканном из призрачных хрустальных грёз. Как ты можешь хотеть любви в мире, где покупается и продаётся абсолют-

но всё, где за хрустящую купюру предают самых родных и близких, а лучший друг за твоей спиной трахает твою жену, награждая узкоглазым сыночком и выставляя тебя полным кретином? И ты хочешь любви, жаждешь её ласкового касания, принимая жаркие похотливые взгляды и минутные судороги расслабляющегося тела за её проявления? Тогда у меня для тебя плохая новость, девочка, ты такая же, как все, а может быть, хуже всех прочих, потому что продаёшься за ничтожные жалкие иллюзии, тешишь себя призрачной надеждой, способной всего за мгновение растаять в воздухе, как сизоватая струйка дыма.

Казалось бы, вот оно – достиг желаемого, даже быстрее, чем рассчитывал, и можно свалить, оставив её точно так же, как бросила она меня после первой же проведённой ночи. Но что-то тянуло опять вернуться и посмотреть в эти глаза, в которых в минуты экстаза ледок покрывался тонкой паутинкой миниатюрных трещинок и вот-вот должен был треснуть, затопляя меня обожанием, припрятавшимся где-то там, в чистой глубине. Сладкое ощущение триумфа и острое, почти болезненное наслаждение, получаемое в минуты близости с ней – как мягкий наркотик, от действия которого не возникает постоянного и сильного привыкания, но отказаться от дружелюбно протянутого косячка с дурманящей травкой практически невозможно.

Неужели она принимала всё за чистую монету? И ни разу ей не пришло в голову усомниться в настоящей причине

частых отъездах и редких встреч? А что..? В конце концов, это даже удобно: иметь под рукой такую прекрасную любовницу, красивую и горячую, не глупую и не вешающуюся на шею, не пресмыкающуюся перед тобой и не задающую глупых вопросов. Чистый кайф. Нужно лишь время от времени поддерживать огонь внутри, не давая ему погаснуть, уделять внимание и не забывать поддерживать иллюзию избранности и некой особенности.

Каждая из этих Ев мнит себя особенной, полной загадок, воображая себя едва ли не источником всей движущей силы. И в такие моменты понимаешь, какую огромную власть над ними имеют слова. Красивые слова, произнесённые едва слышным шёпотом с придыханием, опутываешь ими, словно невидимыми верёвками, лишая её воли, запускаешь под кожу тонкую иглу с чистым вожделием, не забывая при этом ласкать тело, посылая по нему волны удовольствия. Распалаяешь нежную плоть руками, а словами просто трахаешь им душонки, послушно млеющие от ничего не значащих общих фраз. Нужно лишь произнести их так, словно тебя самого ведёт от того сумасшествия, что нашёптываешь ей, а затем просто наслаждаешься эффектом, когда она раскрыта перед тобой отовсюду, погружаешься глубоко и берёшь своё.

Чертовски приятно было забавляться с ней, доводить до иступления и чувствовать её вкус на своём языке, распалаясь до невозможности от одной только мысли о ней, послушно пребывающей в режиме ожидания. Удобная девоч-

ка, с какой стороны ни взгляни. Вкусная горяченькая приправа, время от времени обжигаящая нутро. Казалось, что вот она – никуда не денется и не соскочит с наживки, проглоченной ей так глубоко, будет находиться постоянно под боком, на расстоянии вытянутой руки, с готовностью раздвигая ножки по первому зову и млея от малейшего прикосновения.

Если бы не досадная мелочь – ей всё это время так сильно хотелось услышать слова любви и быть любимой, что посчитала себя оскорблённой, узнав о моей скорой женитьбе с Анисенко. Да, расставание с этой хищной жадной сукой было лишь временным. Ей, прогоревшей на невыгодной сделке, нужны были деньги, а мне – её связи, чем не повод для переговоров, пусть и закончившихся сексом в её офисе. Помимо этого всё чинно и благородно, с заключением контракта и обсуждением малейших пунктиков, вплоть до появления будущего наследника или наследницы, ребенка, которого, по словам Анисенко, она уже вынашивала. А сейчас только стоял вопрос – убирать нежеланный плод или скрепить ещё и этим наш будущий союз. Ухмыльнулся, настояв на пункте о точном установлении отцовства. Ещё раз выставить лохом меня не получится ни у кого, даже у самого дьявола. Анисенко легко согласилась, видно была уверена в своей непогрешимости, а меня это устроило. Если бы оказалось, что дитя не моё – ей пришлось бы отвалить мне кругленькую сумму.

Чёрт возьми, хорошая сделка, выгодная. С какой стороны ни посмотри, в наших далеко идущих планах от этого вы-

играли бы мы все. Но вот только Таська узнала о помолвке каким-то образом и посчитала себя обманутой и оскорблённой, будто я ей что-то обещал или твердил о своей верности. Ты ждала чего-то другого? Или ты не в состоянии раскинуть своими умными мозгами, посмотрев на ситуацию с иной стороны? А может быть всё дело в прирождённом чистоплутьстве, передававшемуся по наследству от её папаши, высокомерного, придерживающегося определённых принципов и шествующего по миру бизнеса, брезгливо отдёргивающего руки от неких дурнопахнущих, как он выразился обо мне, субъектов?

И всё же ей хватило сил сорваться с крючка и "залечь на дно", появившись только на банкете в честь помолвки. Яркая, ослепительно красивая настолько, что все остальные просто меркли на её фоне. Только увидев её стройную фигурку, облачённую в потрясающе красный, понял, насколько сильно мне не хватало её близости и бесила мысль о том, чего она меня лишила, решив разыграть обманутую невинность. От её подарочка и холодного тона, вновь вернувшего меня в то первое утро, меня словно ударили под дых. Она. Собой. Своим шикарным телом и высокомерным видом, леденящим спокойствием и острым, резавшим словно по живому, взглядом. Ткнула меня носом в желанное и, махнув хвостом перед моим лицом, растворилась в толпе. Сука. Знала, что я не смогу броситься вслед за ней здесь, при всём этом скоплении народа, созванного мной и моей будущей су-

пругой для демонстрации нашего будущего успешного брака. Поманила и растаяла без следа. Вообще. Почти на целый месяц. Пропала из города...

Нет, я не верил, что она на самом деле хотела избавиться от меня. Если ты хочешь порвать с кем-то, навряд ли будешь дарить ему свои миниатюрные трусики, еще пахнущие твоим особым ароматом. Нет, для меня это был как сигнал: обижена, но не прочь позабавиться позднее, нужно лишь выждать время и наша с ней игра будет выведена на новый уровень. А пока – приходилось довольствоваться тем, что имею – Анька, целиком и полностью в моём распоряжении, и прочие однодневные шлюхи, по большей части белобрысые. Почему-то тянуло именно на них, было приятно видеть склоненную головку, усердно насасывающую член, и представлять, что на месте той шалавы находится именно Таська, и никто другой. Вот только не помогало – секундная судорога прокатывалась по всему телу и выплёскивалась жидкостью, тут же послушно ею заглатываемой, а на меня смотрели подобострастно другие глаза, немного мутные от поволоки страсти и желания, не вызывающего у меня ничего в ответ.

Меня злило и бесило в этот месяц абсолютно всё – и навряд ли я отдавал себе отчёт, что именно отсутствие этой золотой девочки рядом было тому причиной, списывал всё на то, что она вновь оставила меня в дураках, кинув. В очередной раз. Она. Не я, а она. Утёрла мне нос с высокомерным видом и испарилась, покинув столицу на время. Без особых

затруднений разузнал, что она всюду колесит по Европе. И начал ждать её возвращения. Запасся терпением, напомнив самому себе, что игра в карты не любит горячей головы и дрожащих рук. Ничего, девочка, стоит тебе только появиться на моём горизонте, и я возьму реванш, переведу наши отношения в ту плоскость, которая нравится и выгодна мне, а ты примешь и мои условия, и правила игры, стоит только напеть тебе о невозможном и рассказать о том, чего ты так сильно жаждешь.

В моей голове проворачивались планы один другого грандиознее, выстраивались целые словесные конструкции, призванные вскружить ей голову, я расписывал мысленно все те непреодолимые обстоятельства, вынудившие меня пойти на сделку с Анисенко, намереваясь сразить девчонку, не забывая подсластить пилюлю. Знал, что она буквально вчера вернулась и едва сдержался от того, чтобы не рвануть ей на встречу. Неет, пусть почувствует себя еще немного свободной, а потом я украду у нее возможность даже дышать по своему желанию.

Я так упивался своими мыслями, что когда увидел её буквально в нескольких метрах от себя, бездумно прогуливающуюся по столице, едва не обварился горячим кофе. Все мои планы рухнули в тот же миг, я судорожно вскочил из-за столика кафе и не глядя, кинул на стол пару крупных купюр, понимая, что переплатил, но было плевать. Вот она – в пределах моей видимости и досягаемости. Невероятная удача,

толкавшая её прямо в мои объятия. Не сдержался и пошёл следом, едва ли не бегом настиг её и понял, что не могу ни слова вспомнить из того, что готовил накануне, несущую бессвязную ересь, жадным, оголодавшим взглядом всматриваясь в её лицо. Словил отчетливо промелькнувший ответный интерес и меня накрыло слепой жадной обладания. Прямо здесь и сейчас. Пофиг, что ясный весенний день, что в этом парке гуляют люди и могут увидеть, как я буду жадно вколачивать себя в неё. Пофиг на всё – лишь бы поскорее прикоснуться к желанному телу, дотащив её до ближайших кустов. А тащить пришлось, потому что следом за едва промелькнувшим желанием, меня словно окатило ледяной волной её презрения, а всё тело напряглось, как струна. И в каждом её движении читалось только одно – убраться от меня подальше, не видеть и не слышать. Но меня уже вело и уносило куда-то в сторону от её запаха и близости, не имело никакого значения, хочется ли ей того же самого, нужно было взять своё немедленно, а некое сопротивление с её стороны лишь подстёгивало и обостряло чувства.

Я так и не понял, откуда взялся этот странный мужик, одного единственного взгляда, брошенного на него, мне хватило, чтобы определить – он мне не ровня. Один из праздно шатающихся, тех, кому есть дело до всего, кроме самих себя, иначе не выглядел бы так, будто беспробудно пьянствовал и отирался по дешевым кабакам неделю. Однако он, похоже, так не считал. И едва я обернулся, чтобы послать его куда по-

дальше, как оказался лежащим на земле, с ноющим от боли лицом. Ощущение было таким, что он впечатал в меня кирпич, а не свой кулак. Я уже забыл, каково это, участвовать в уличных потасовках или поднимать на кого-то руку, кроме шлюх, предпочитающих погорячее. Оттого позорно валялся на траве сквера, не в силах вдохнуть, корчился от сильной боли в области живота и мог лишь внутри своей головы поносить его матом. В то время как он мне врезал ещё и по почкам. Аккуратно, будто знал, куда и как следует бить. Перед глазами всё расплывалось, и лишь в ушах отчётливо раздавался торопливый стук её каблучков, уходящей куда-то, под руку поддерживаемой им.

Облажался. По полной программе. Вот как это называется. Я приполз в наше с Аней "уютное семейное гнёздышко" и под её вопрошающим взглядом кинул прямо с порога, чтобы эта сука и слова не посмела вымолвить в мою сторону, проворачивал в голове события прошедшего дня, кляня себя за несдержанность. Теперь подобраться к красотке будет сложнее, потому что ей не понравилось моё поведение в сквере, и придётся долго унижаться, вымаливая прощение, напяливая на лицо маску подлинного раскаяния, потому что я не чувствовал себя неправым. Внутри меня всё клокотало от ярости и желания немедленно кинуться к ней, схватить и выбить из неё всю дурь и высокомерие, вернуть сторицей унижительную пощёчину и заставить захлёбываться в слезах. Едва сдержался на месте, завалившись на кровать с бутыл-

кой любимого коньяка и беспрестанно курил одну сигарету за другой, пытаясь успокоиться. Завтра... Да, надо будет наведаться к ней завтра. Спокойным и сдержанным, не выказывая того, как дико меня трясёт от неё. А на следующее утро я имел удовольствие лицезреть в зеркале свою опухшую физиономию и потрясающе фиолетово-синий цвет, расплзшийся на нос и под глаза. Подходящий видок для того, чтобы сунуться к ней? Плевать. Просто наведуясь во двор её дома, посмотрев, у себя ли она в квартире... А потом встречу её возле работы, как в старые добрые времена. Мелькнувший силуэт в окне выдал её с головой – отлично, значит, ритм жизни прежний, а вот на работе она не появилась. Напрасно просидел в автомобиле у здания офиса. Пришлось вернуться, как говорится, несолоно хлебавши.

Не сразу сообразил, что всю дорогу меня «вели». Да я вообще ни о чём не мог связно думать – в голове только засел её образ, дразнящий, в легкой летней одежде, ноет в паху и мысли вязнут в липком мареве. Отреагировал слишком поздно, только когда в бок автомобиля нагло ткнулась морда чьего-то джипа, вынуждая прижаться к обочине на узкой улочке. Едва успел затормозить и отстегнуть ремень безопасности, намереваясь высказать всё водителю, скорее всего пребывающего в невменяемом состоянии, как меня выдернули из салона. Просто рывком распахнули дверь и нагло стащили. В изумленном сознании успела промелькнуть мысль, что это тот же самый странный тип, как услышал

потрясающе громкий хруст, с которым сломался мой нос, а следом на меня посыпался методичный град ударов. Я едва успевал прикрывать руками голову, как он колошматил меня по торсу, вынуждая опустить локти, прижатые к голове, и едва успел сделать это, как он опрокинул меня на землю, заломил руку, едва не ломая пальцы, заставляя плевать кровью, заливавшей мне рот, и шипеть от сильной боли, которая вгрызалась в моё тело.

– Я же сказал, оставь девчонку в покое, – спокойно сказал мужчина и ткнул меня лицом в землю, а потом ещё и ещё, возил мной, словно беспомощной тряпкой по её поверхности, заливавшейся моей кровью, впечатывая в кожу неровности почвы и мелкие камешки. И говорил, говорил, говорил. Одно и то же, на повторе. Словно имел какое-то право укачивать мне на то, чем стоит мне заниматься, а чем – нет. Потом спокойно сел в свой автомобиль и уехал. Я успел запомнить номер и едва подобрал себя с земли, попросил одного знакомого пробить, что за фрукт осмелился поднять на меня руку. Ответ пришёл незамедлительно: некто Борзов, владелец охранного агентства. Смешно, я бы даже рассмеялся, если бы мог растягивать разбитые губы в улыбке: не иначе как папашка Таси постарался, нанял его для охраны дочурки. Непонятно только почему сам владелец фирмы занимается подобным, а не его дуболомы. Но не придал особенного значения, подумав, что скорее всего, рыбешка некрупная, если сам принимается за подобную работу.

Отступаться от Таськи я не собирался. Пришлось сократить общение с посторонними до минимума и послать нахрен Аню, решившую сыграть в заботливую женушку, напомнил ей о том, чтобы занималась лучше собой и будущим ребенком, который должен был появиться уже к осени. А сам пересел на неприметную белую тачку и принялся время от времени крутиться возле Таськиного дома, намереваясь перехватить её в момент, когда будет совершенно одна. Не получалось... Начал терять терпение и вызвал курьера с доставкой цветов, чтобы увидеть её реакцию, которая мне очень, очень не понравилась. Сучка что-то сказала курьеру и кивнула головой на мусорные баки, недоумевающий курьер прошествовал к ним и выкинул великолепный букет орхидей. А на её лице в этот момент расплылась такая счастливая улыбка, будто знала, тварь, что я сижу в салоне автомобиля и наблюдаю за ней. Вполне возможно, что и так – вдруг мой простецкий маскарад, заключавшийся лишь в смене автомобиля раскрыли, и сейчас она, зная обо мне, нарочно демонстрирует пренебрежение и вытирает об меня ноги. Отлично, значит, метод не действенен, со странным спокойствием подумал я и вырулил со двора, ещё не подозревая, какой гость нагрянет ко мне в самое ближайшее время.

Той же ночью я спокойно распивал коньяк и катал шары в бильярдной своего дома, когда услышал чужие мужские голоса и отчего-то писклявый говор Аньки, торопливо семенящей в сторону бильярдной. Какого хрена, раздраженно по-

думал я. Знает же, что я терпеть не могу, когда она нарушает моё уединение, особенно в последнее время. Я любил находиться здесь один, задёргивал жалюзи и плотные шторы, гасил почти все светильники и в приятном полумраке комнате распивал спиртное, загоня шары в лузы. В дверь настойчиво постучали. Один раз, а потом ещё. Плевать. Отхлебнул коньяк, поворачиваясь к двери спиной. Хочет видеть «любимого» муженька – пусть дожидается своего часа, а следом раздался оглушительный грохот и треск дерева – дверь просто выбили пинком, и в комнату спокойно вошли двое мужчин внушительной комплекции. Встали по обе стороны двери, пропуская вперёд перепуганную Аньку, которую вёл под локоть странный неприятный тип, бритый налысо. От одного взгляда в глаза этого типа продирал мороз по коже.

– Нехорошо, Алексей Владимирович. Гостеприимством вы не отличаетесь, пришлось попросить ребят открыть дверь немного настойчивее, чем хотелось бы.

– Ты кто такой? – обомлел я, а тот в ответ предупреждающе поднял палец, будто затыкая мне рот, и усадил Аньку на стул.

– Любите сидеть в потёмках с задёрнутыми шторами, Алексей Владимирович? А зря... За окном чудесная весенняя погода и виды тоже замечательные.

Он сделал едва заметный жест рукой, и к окну подошёл один из верзил, послушно отдёргивая шторы и раздвигая жалюзи. Я ошарашено смотрел на чужаков, хозяйничающих в

моём доме, и чувствовал липкую паутину страха, опутывающую меня и лишаящую воли. Когда шторы были раздвинуты в стороны, моему изумлённому взору предстало то ещё зрелище – полыхал мой автомобиль, взметая вверх столбы яркого пламени.

– Какого... – но мне опять не дали договорить.

– Нехорошо перебивать, Алексей Владимирович, – тем же мягким, вкрадчивым голосам произнёс странный гость. Говорил мягко, а по коже будто бритвой острой полосовали, – вид из вашего окна открывается прекрасный, нечасто приходится любоваться подобным. Стоит немного подождать – и соизволите услышать звуковое сопровождение, когда огонь доберется до бензинового бака. Бум!

Он улыбнулся, медленно подходя к бильярдному столу, улыбка на его лице с холодными глазами смотрелась устрашающе.

– Можете называть меня Иван Палыч, – вновь ослабил-ся лысоголовый, – боюсь, мне пришлось нанести визит вам и вашей очаровательной супруге, находящейся в столь интересном положении по причине того, что ваши интересы в определенной области вызывают неприятие у другого лица.

Он медленно прохаживался у бильярдного стола, с улыбкой рассказывая мне о том, кто такой Борзов и почему не стоит выводить его из себя, и уж тем более посягать на то, что ему приглянулось. А ещё он назвал парочку имён, стоящих за широкоплечим Борзовым, с виду, казалось бы просто

очередным владельцем одного из многочисленных охранных агентств. Я слушал, сжимая кий в пальцах так, что побелели костяшки и охреневал. Кто же мог знать, что этот ничем не примечательный с виду крепыш окажется приближённым к настолько власть имущим. Иван Палыч обстоятельно перечислял мне всё, что у меня есть и чего может не стать в один прекрасный миг. Рассказал о парочке мутных сделок, провернутых мной с изяществом фокусника, в совершенстве владеющего своим мастерством, намекнув о том, к каким последствиям может привести раскрытие принципов моей грязной игры, к чему приведет информация о том, кто именно стоял за парочкой подложных компроматов, собранных на конкурентов. Он неторопливо беседовал со мной, рассказывая о том, что я есть, спать и даже спокойно подтирать свою задницу могу лишь до тех пор, пока не вызываю интереса у определённых персон, и что сейчас я нахожусь в шаге от того, чтобы вызвать этот неподдельный интерес и лишиться всего. Стекла в окнах задребезжали от сильного взрыва бензобака, а следом в оглушительной тишине особенно отчётливо послышался стук бильярдных шаров друг о друга.

Иван Палыч с лёгкой улыбкой на губах запускал шары, встречавшихся с другими такими же с громким стуком. А я смотрел в его глаза и понимал, что голодные и обозлённые времена далёкой перестройки и последовавшие за ними не канули в прошлое, как и их управилы, просто эти волчары в человеческом обличье сменили свой гардероб, придав ему

лоск, и засели в красивых, наполненных светом кабинетах, верша дела цивилизованным путём ровно до того момента, когда не решат, что ты чересчур прытко бегаешь по их полю. Им даже не придётся ничего делать самим: ни Борзову, ни его цепному псу, Ивану Палычу: меня просто раздавят разглашением информации и спокойно отойдут в сторону, чтобы понаблюдать за тем, как меня сожрут живьём те, кого я подставил и поймел, радостно посмеиваясь и думая, что обвёл вокруг пальца всех. Им не придётся мараться и даже шевелить пальцем: от налёта цивилизованности моих же партнёров не останется и следа, они порвут меня на лоскутки и растащат всё имеющееся у меня, оставив ни с чем. А вот это всё – двое верзил, облитый бензином и подожжённый автомобиль во дворе моего дома, просто наглядная демонстрация серьёзности их намерений.

Я не мог ничего вымолвить, лишь согласно кивнул головой, понимая, что не сделаю больше ни шагу в сторону Таськи и буду по широкой дуге огибать даже тот район, в котором она живёт, потому что своя шкура мне дороже и ближе всего на свете. Придётся затолкать поглубже в глотку желание, раздирающее меня на части, проглотить и попытаться переварить его, найдя ему замену. Незваные гости покинули комнату так же спокойно и неторопливо, как пришли, и даже прикрыли за собой дверь с выбитым к хренам замком.

– Что это значит? – оцепенение, владевшее телом Аньки совсем недавно, схлынуло и она подскочила ко мне быстро,

как змея, напряженно вглядываясь в лицо, – кто они и что делают в нашем доме?

– Проваливай, – вяло бросил я ей в лицо, но она не отставала:

– Это всё из-за той белобрысой суки, да? Той, что явилась на помолвку... я запомнила эту тварь в красном! Ты же говорил, что это шлюха на одну ночь, не больше! Ты много чего говорил, но эту дрянь я запомнила!.. Я...

– Заткнись, сука!..

Она что-то говорила, шипела разъяренно мне в лицо, выдавая свои истинные эмоции, вытаскивая на поверхность озлобленную слепую ревность. Мне было смешно: неужели моя циничная сука Анька прониклась некими чувствами ко мне, если сейчас её так корёжит от ненависти и злобы? Мне было плевать, хотелось только заткнуть ей рот, чтобы не смела своим поганым языком говорить даже вскользь о той, к которой мне путь отныне навеки закрыт. В одно мгновение прямо посреди мощёной дорожки из жёлтого кирпича выросла стена по имени Артём Борзов, и хрен его куда сдвинешь, и не обойдёшь ни с какого бока. Меня накрыло волной безотчётной злобы и ненависти ко всем разом, но в особенности к той, что сейчас разъяренно выговаривала что-то мне в лицо, едва ли не плюясь слюной. Надо было заткнуть её как можно скорее – и я влепил ей оплеуху. Её голова резко мотнулась вправо, а меня накрыло злобной радостью, запустил пятерню в густые чёрные волосы и как следует прило-

жил лицом об бильярдный стол, отметив как мгновенно она присмирела, грузно осела на пол и отползла назад, пятясь. Лицо перекошено и только из разбитой губы сочится кровь. И если бы не её живот, уже хорошо заметный, выпирающий под тонкой тканью платья, я бы принялся колотить эту тварь, выбесившую меня одним своим видом. Вместо этого шагнул к ней и заставил перевернуться, поставив на четвереньки, не заботясь о том, приятно ей или нет, ворвался внутрь окаменелым членом и принялся ожесточённо вбиваться в сухое лоно, сильно дёргая её за волосы, намотанные на кулак, заставляя прогибаться в спине и покрикивать от жгучей боли, потому что решил проникнуть немного выше, без смазки и предварительной подготовки. И едва судорога оргазма пронзила тело, я брезгливо оттолкнул её в сторону и сел рядом с ней, размазывающей сопли вместе со слезами по щекам:

– Заткнись, просто заткнись...

* * *

Я случайно встретил Таисию летом следующего года. Прохаживался по тротуару вдоль ряда летних кафе, в ожидании пока Анька соизволит вытащить свою задницу из торгового центра, из которого всё никак не могла выползти. Мы опаздывали, а она будто нарочно тянула время, явно желая мне немного насолить хотя бы так. Мой взгляд случайно упал на одну из пар, сидящих под летними навесами неболь-

шого кафе. И я обомлел. Почти год я не видел Тасю живую, да ещё и так близко. И сейчас стоял, как громом поражённый. Нет, я знал, что за всё это время Борзов никуда не делся, более того, завоевал место для себя подле неё. И не только. Завёл с ней семью: и сейчас я имел счастье лицезреть всех троих: Борзова, как всегда, невозмутимого, крошечного малыша, которому не было и полгода, в одетого в белый с голубым костюмчик, и саму Тасю, с улыбкой что-то говорящую розовощекому карапузу, в то время как её тонкие белые пальчики были тесно переплетены с этой крепкой мужской рукой. На мгновение отняла руку и погладила Борзова по лицу, смотря только на него с такой счастливой улыбкой, что меня скручивает на месте от бессильной ярости и злобы.

С моего места видно даже выражение её глаз, светло-голубых, как весеннее небо ранним безоблачным утром, полными счастья и какого-то неизвестного мне выражения. Такого взгляда я ни разу не заставлял обращенным на себя. Сдохнуть бы от зависти прямо на этом месте. Отнимает руку и вновь переплетает свои пальцы с его. С этими пальцами, покрытыми убогими побледневшими татуировками, и как её только не корёжит от их вида? Всё это время я запрещал себе даже думать о том, что подобный ему может находиться рядом с Тасей. Да они же совсем разные, принадлежащие иным мирам! Он ей не ровня, умеет ли он говорить как-то иначе, не матерясь через слово, и смотреть не по-волчьи? Оказывается, умеет, вон как трепетно держит её ладонь, мягко улыба-

ьясь. Меня едва не трясёт от зависти и захлёстывающего осознания того, что всё это могло быть у меня. В два счёта. Без лишних усилий и ненужных препятствий. Нужно было только не пытаться переиграть самого себя, а плыть по течению, давая чувствам заполнить себя полностью.

Только сейчас понимаю, что то время меня постоянно тянуло к ней не просто чувство похоти или желание отыграться, взять реванш, а нечто большее. То, что я по укоренившейся во мне привычке пытался перевести в плоскость понятных и простых позывов плоти и игр разума. А вот нихрена. Смотрю и понимаю, что в её маленьком счастливом мире нет места даже тени воспоминаний о моём прошлом присутствии. Нет и не будет, а хочется, сука. Так сильно, что колет изнутри по всему телу, заставляет сердце обливаться кровью. Это не просто красивое выражение, меня переполняет собственной кровью, смешанной пополам с желчью разочарования и горечью запоздалого сожаления, и насос, перекачивающий кровь не справляется с этим бешеным потоком, рвёт клапаны и он надсадно булькает где-то внутри меня. На мгновение Борзов поднимает взгляд и смотрит мне в глаза, спокойно, чуть усмехаясь, а внутри моей головы раздаётся стук бильярдных шаров в полной тишине, и я словно вижу в его тёмных глазах отблески огня, пожирающего автомобиль, подожжённый во дворе моего дома. Отворачиваюсь и прохожу чуть дальше, пальцы привычно разминают сигарету перед тем как раскурить её. Огонёк зажигалки нервно пляшет, и я

стараюсь как можно скорее затянуться горьковатым дымом, чтобы отвлечься. Жадно глотаю его, приканчивая сигарету меньше чем за минуту, и тянусь за следующей.

– Врачи рекомендовали тебе меньше курить, – слышу позади себя я недовольный голос Аньки с нотками неподдельной заботы в нём. Наконец-то явилась. В руках очередной пакет из модного бутика, а за её спиной стоит нянька с нашей дочкой на руках, ожидая указаний. Я молча киваю им на автомобиль, приглашая сесть внутрь. Нянька послушно ныряет на заднее сиденье, а Анька словно ещё ждёт чего-то, вопрошающе глядя на меня. Мне похрен. Я выпускаю сизую струю прямо ей в лицо и вновь затягиваюсь, заполняя лёгкие до предела тем немногим, что у меня ещё осталось – горьким и немного пьянящим дымом.